

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ПОЛЕ БИТВЫ АНТРОПОЛОГИИ

Я. Бречко

Кафедра философии и психологии
Белостокский медицинский университет
ul. Jana Kilińskiego 1, 15-089, Białystok

Человек является пластичным существом. Представление, которое он имеет о себе, влияет на его поступки. С этой точки зрения, господствующие в культуре антропологические представления, имеющие свои истоки в религии, философии или же в идеологии, в существенной мере влияют на ее форму и развитие. В статье анализируется современная история с точки зрения рождения, изменения и столкновения различных антропологических концепций и представлений. Поскольку это краткий очерк, рассматриваются только основные «линии развития» данных концептуальных схем, при этом подчеркивается теоретическая и прикладная значимость кантовского вопроса: «Кем является человек?»

Ключевые слова: история мысли, антропология, человеческая наука, марксизм, ницшеанство, либерализм.

Посвящается Стефану Симолюку

Я хотел бы начать с повторения очевидной истины о том, что человек, в отличие от более или менее алгоритмических, руководствующихся врожденным инстинктом животных, действует «не непосредственно», а посредством своего образа (представления, понятия о самом себе). Поэтому, кроме небольшого количества безусловных рефлексов, он не обладает неизменным поведенческим шаблоном, который получил бы в генах от предков и применял с автоматической, невозмутимой (и неосознанной) точностью в жизни (1). Таким образом, человеческая природа пластична; среди прочего она зависит от нашего понимания человеческой природы (человеческий *hardware* может получить полностью отличающийся культурный *software*). Кстати, культуры и отдельные эпохи в их истории разнятся потому, что содержат в себе различные антропологии. Следовательно, антропологии имеют характер автоматически исполняющихся пророчеств; если понимать человека как покорное существо, то это вносит кротость в человеческий мир; если же

понимать человека как хищное существо, то это вносит хищность в мир людей (вероятно, история протекала бы иначе, если бы Клеопатра имела более короткий нос или Макиавелли или Гоббс были неграмотными). Отсюда необыкновенная ценность культурных автопортретов человека (того, как человек себя постигает); особенно тех автопортретов, которые становятся популярными, которые остаются в общественном сознании.

Современность начинается с разрушения средневекового представления о мире и человеке. Зрелое, позднее Средневековье было схоластическим (аристотелевско-томистическим). Аристотелевская мера (золотая середина) совмещалась с христианским (содержащимся в Священном Писании) колебанием между постижением человека как падшего существа (первородный грех) и возвышенного (сотворенного по образу и подобию Бога и названного «божиим созданием»). Эта разновидность идейного термостата препятствовала «перегреванию» — слишком хорошему мнению человека о самом себе, избыточному оптимизму, и «переохлаждению» — избыточному критицизму, антропологическому пессимизму. Современность разбила, расколола этот «термостат» в области светской философии и окончательно испортила в сфере христианской мысли. Начнем с рассмотрения этого последнего явления.

Две основные современные христианские антропологии. Конфликт Север-Юг

Исследователи различают в рамках христианской антропологии два основных течения: в одном преобладает греческий элемент, другое же проплывает по широкой христианской реке и содержит в себе преимущественно еврейский элемент. Я полагаю, что исторический спор о том, является ли христианство победой еврейской культуры над греческой (с помощью распространения универсального иудаизма в античном мире) или же наоборот — христианство является завоеванным греческой культурой иудаизмом, находит решение внутри христианства; и то и другое справедливо. Используя политическую терминологию, скажем: существует левый край христианства, более гуманистический, иногда даже прометейский, который ценит природные способности человека, в том числе ум, а также правый край, определенно теоцентрический, подчеркивающий окончательную испорченность человеческой натуры, бессилие человека и его разума. В античной эпохе в левом крыле следует поместить Святых Отцов Востока (в особенности Оригена), Пелагия, так называемую антиохийскую христологическую школу, в правом — Св. Павла, Тертуллиана, александрийскую христологическую школу и, наконец, Св. Августина. Если использовать метафору Л. Шестова, можно сказать, что борьба Афин с Иерусалимом происходит также внутри христианства. Позднее Средневековье, как я уже упоминал, является временем томистического компромисса (попыткой избегания двух крайностей).

На этом фоне следует отметить бурный протест Лютера; кроме экономических и политических факторов (торговля индульгенциями), имеет место радикальный «поворот вправо», в направлении «духа Иерусалима», т.е., среди прочего,

в сторону первичного христианства Св. Павла и предопределения Св. Августина. Лютер, как известно, отдаляется от практической религии, расчетливой («подшитой» разумом и схоластической ученостью), основанной, с одной стороны, на «ритуальных действиях», связанных с институтом Костёла, а с другой стороны, на «благотворительности», однако же в обоих случаях опирающейся на желания служения Богу или же ведущей к меркантильно-юридической религиозности, «накоплению грошей для рая». Оправдывать, вести к спасению может только вера, причем понимаемая не как совокупность правоверных убеждений, а как доверие (*pistis*). Таким образом, Лютер связывает веру с ее первоначальным пониманием, которое можно найти в письмах Св. Павла. Вера обозначает полное духовное возрождение, является наполняющим человека чувством сыновьей любви и доверия Богу, а не каким-то убеждением. Поэтому действия не имеют никакого (спасительного) смысла, если их источником не является такая вера и ее основа — милость. Эта милость, без которой человек бессилён и приговорен к ползанию в болоте греха и зла, дана даром и действует объективно. Избранный человек не может от нее отказаться. Следовательно, все зависит от Бога; логичное следствие — ничто не зависит от человека, что соответствует иудейскому теоцентризму и религиозной мысли Св. Павла, а также Св. Августина. Эта доктрина является крайне пессимистической и одновременно последовательной, отрицающей веру в присущее человеку добро; другими словами, это суровая и печальная религия. Человек полностью лишился добра вследствие упадка или же первородного греха, он является полностью бесплодной почвой, на которой «цветок доброты» может вырасти только благодаря чудесному Божьему вмешательству (которое, впрочем, нельзя заслужить). Эта антропология нашла свое диалектическое опровержение в иезуитской антропологии, будущей основной идейной силе контрреформации. Мрачный теоцентризм был атакован «христианским гуманизмом». В его представлении первородный грех не полностью испортил человеческую натуру, после искупительной смерти Иисуса человек может прийти к своему спасению (согласно решениям Тридентского Собора, Божья милость абсолютно необходима для спасения, однако не является объективной, человек может от нее отказаться, т.е. для спасения необходимо сотрудничество человека). Спасение, оказывается, может быть легким и широко доступным; Бог добр и склонен к прощению грехов (поскольку для нас открыт доступ к правоверному Костёлу и его земным представителям, которым Он дал силу прощения грехов). Таким образом, угрюмая и аскетическая протестантская религиозность была атакована теплой, понимающей, можно сказать, «разрешающей» религиозностью; планка спасения была снижена, а возможность ее преодоления не превышала природных способностей человека.

Эти две в крайней степени различные христианские антропологии сопутствовали армиям, участвовавшим в религиозных войнах, которые имели место в XVI в. в Западной Европе, а также в XVII в. на Востоке, они оказали сильное влияние на историю стран, в которых получили широкое распространение и были приняты. Реформацию и протестантизм можно понимать как очередную схизму в истории христианства, после восточной схизмы. В этот раз это была «северная схизма» —

новая разновидность христианства — овладела прежде всего севером Европы. Это может показаться парадоксом, но антропология, указывающая на беспомощность человека в вопросе спасения, привела к усилению активности, стала причиной соединения аскезы, бережливости и трудолюбия. Между тем антропология, подчеркивающая соучастие человека в процессе спасения, приводила к большей пассивности, самоудовлетворению, потреблению, если не сказать «обленивливанию». Это кажущийся парадокс, не учитывающий психологическую реакцию на веру в дающуюся избирательно и обязательно милости. «Предназначение, — пишет Колаковский, — по крайней мере, не оправдывает пассивности, безразличия и моральной неряшливости; а наоборот — замечательно подходит для поддержки боевого духа. Оно является идеологией секты воинов» [2. S. 50]. Суждение о том, что если Богом все определено, то незачем же что-то делать (лучше бездействовать), «полностью не соответствовало психологической действительности». Наоборот, именно терпимость антропологии пелагийского типа привела к столь дорогой людям с юга «маньяне» — «то, что должен сделать сегодня — сделай завтра». Антропология, основанная на предназначении, порождала ощущение того, что человек — инструмент Бога, солдат Бога, а такой солдат не только не должен лениться, не только должен быть кратким (т.е. «то, что должен сделать завтра — сделает сегодня»), но и должен искать случая для действия, для атаки во имя Бога и с чувством Божьего предводительства. Если добавим к этому кальвинистскую интерпретацию того, кто же является избранником Бога, согласно которой знаком милости является преуспевание в бизнесе, то направление атаки будет определено. Таким образом, добродетель трудолюбия, аккуратности, экономности (богатство, данное, по существу, от Бога, требует увеличения, а не траты), умноженная миллионами взаимодействующих между собой людьми, привела к появлению нового культурного и цивилизационного качества. Следует вспомнить известную идею Макса Вебера о влиянии протестантизма на рождение «духа капитализма». Это связано не только с продвижением идеи трудолюбия и экономности, но и с изменением общественных структур. Католицизм со своей иерархической структурой, которая была усилена еще после Тридентского Собора, благоприятствовал консервации общества, в котором доминировал слой аристократов; это, в свою очередь, влияло на тип потребления и производства. Доходы доминирующего слоя были преимущественно получены от обширных земельных владений и использовались на потребление предметов роскоши. Такой тип общества и потребления сохранился на католическом юге Европы. Следовательно, польское, сарматское «богатство на показуху» было выражением общекатолической южноевропейской тенденции. Этот тип экономики был назван экономикой роскоши; конечно, ею обладала узкая прослойка, но тем не менее этот приукрашенный верхний слой является результатом усилий большей части общества (живущей, как правило, в бедности). Таким образом, социальные связи в католических аристократических обществах имели иерархический характер и были придворно-централизованными с сильным расслоением по уровню богатства.

Ситуация выглядела иначе на протестантском севере. Там также были богатые и бедные, однако деньги направлялись преимущественно в торговый оборот, на финансовые операции, покрытие издержек, в мануфактуры и, наконец, в промышленность; производство было сосредоточено не только на продуктах роскоши, но и все чаще на массовых и поэтому дешевых товарах (что, в свою очередь, уничтожало традиционную статусную иерархию). Между тем возрастало благосостояние масс, богатство не было сконцентрировано в семьях «благородного происхождения», а распределялось абсолютно непредсказуемым образом среди мещан. Вспомним, что эти процессы были усилены протестантским «этносом труда», построенном на кальвинистско-лютеранской антропологии. Это способствовало своеобразной демократизации и эгалитаризации общества. Бог уделял милость не обязательно своим сыновьям «благородного происхождения», таким образом, возникает финансовая элита, а не только элита по происхождению. Какой это дало эффект? Цивилизационный динамизм, богатство, труд и изобретательность переместились с юга на север Европы. Итальянские богатства, которые накапливались веками, а также испанское и португальское золото и серебро, которое было привезено из Нового Света, начали перемещаться на Север, становясь платой за потребление роскоши и возрастающую стагнацию.

Однако стоит признать, что эта демократизация (эгалитаризация) протестантских обществ не способствовала росту братских отношений. Наоборот, в этих обществах наступила атомизация индивидов, т.е. усиление равенства приводило к усилению обособленности. Иначе было в католических обществах на Юге, где аристократично-патриархальное устройство с явными различиями по статусу и богатству существовало наравне с большой степенью общности. В этом случае также можно говорить о роли этих двух антропологий. В протестантизме, лишенном «общества святых», «опекунской роли» Божьей Матери, целой гаммы промежуточных духов, человек сам приобрел лик Бога. Вертикальная однонаправленная связь «человек — Бог» (а точнее, маленький человек, который полностью зависит от Божьей милости) не была дополнена богатством горизонтальных связей. Это равенство (пустота) между всеми и Богом сопутствовало эгалитаризму, однако охлаждало, уничтожало тепло и разнообразие горизонтальных социальных связей. Взаимоотношения между людьми характеризовались преобладанием обязательности над спонтанностью, доминированием семейных и профессиональных обязанностей, что привело к духовной сухости в межличностных контактах.

Противоположную картину можно наблюдать в католицизме, особенно свойственном эпохе барокко и иезуитству. Иерархическая патриархальность социальных связей была усилена воображаемой патриархальностью трансценденции; необозримые ряды спасенных, имеющих определенное, согласно градации, влияние на божьи решения (наподобие рядов дворян у царей, королей или же магнатов), и подобным образом упорядоченные иерархии среди ангелов (которым можно было адресовать просьбы и обязательства), и непосредственно вблизи трона Бога находилась Божья Мать, которую могут просить о покровительстве и адресовать ей просьбы все человеческие дети, которых она охватывает своей любовью

и сочувствием, минуя все иерархии (как последняя инстанция). К Богу, как к королю или аристократу, можно обратиться и оказать влияние на его решения несколькими способами. Это привело к появлению в общественном (бренном) мире клиентских отношений различных категорий, семейных союзов, сложных зависимостей, которые, несмотря на искажение справедливости и «прозрачности» в разных сферах общества, согревали межличностные связи. Заинтересованность заменялась сердечностью, дружбой и даже братством.

Антропология протестантизма также повлияла на изменение отношения к бедным, бездомным и нищим. Согласно кальвинистской версии, бедность считалась очевидным признаком отсутствия милости. Бедный человек не был избран Богом, а следовательно, не заслуживал милосердия. В эпоху Средневековья нищих уважали, поскольку они представляли собой естественную и очевидную составляющую божьего мира. Кроме того, нищий являлся поводом для подачи милостыни и, откровенно говоря, был для этого даже обязательным условием. Если бы не было нищих, то нельзя было бы делать того, что рекомендовал Иисус — совершать добрые дела. В протестантской анти-действенной религии подача грошей нищему оказывалась лишним и даже вредным (в контексте расчетливого отношения к Богу). Более того, бродяги и нищие не работали, а труд в протестантском мире был разновидностью молитвы. Также они ассоциировались с грязью и болезнями, а протестантский мир был чистоплотным. Отсюда происходит возрастающая (особенно на севере Европы) неприязнь к нищим.

Северный мир становился тогда все богаче, динамичнее, инновационнее, однако он также лишается своих корней. Богатство, цивилизационный прогресс достигались ценой лишения гармоничного бытия в сообществе, ценой принятия твердых принципов конкуренции, соперничества, а следовательно, отказа от снисходительности и нежности. Суровая и аскетичная протестантская религиозность, основанная на антропологии Лютера и Кальвина, привела к обогащению и одиночеству. Это один из обуславливающих признаков современности, к которому мы вернемся в последней части этой статьи.

Три основные современные нехристианские антропологии. Конфликт Восток-Запад

В процессе поиска генезиса современных антропологий, которые не являются производными «духа христианства», следовало бы обратиться ко взглядам Джованни Пико делла Мирандолы. Окрыленный надеждой на большой синтез и примирение всех религий и философий, он создал новое виденье человека, связанное с античностью и каббалой. Бог создал мир и разнообразные существа, каждому придал выразительную форму и роль, которую они играют, однако признал, что чего-то в этом творении не хватает, а именно того, кто бы этот мир лицезрел и восхищался им (можно сказать, что Ему не хватало товарища для созерцания этого шедевра). Но все выразительные формы и роли были розданы. Поэтому Он вытаскил из своей небесной сокровищницы необычайную способность, которой до тех пор владел только Он сам, — свободу и творческую способность — и передал ее тому

последнему существу в качестве компенсации за отсутствие определенного места в иерархии бытия и конкретной роли. Человек стал одновременно скульптором и материалом для создания скульптуры, он стал «частью своей судьбы» (выражение Мирандолы). Этот само-создатель мог превратить себя в растение, даже в камень (отсутствие движения, потребление, вегетация), мог поместить себя на уровень животных, погружаясь в мир инстинктов, мог также формировать свой духовный мир, интеллект и превзойти ангелов, оказаться ближе в божественной иерархии, созерцая Бога. Следовательно, человек получил пластичную натуру и возможность саморазвития. Эта новая антропология Ренессанса нанесла удар по двум основным средневековым христианским антропологиям. Во-первых, ударила в августиновское предназначение, поскольку человек сам «кует свою судьбу», сам решает, в каком направлении будет себя развивать. Во-вторых, ударяет в томическое видение позиции человека в конкретном и неизменном месте в иерархии бытия (выше животных, однако на ступень ниже ангелов).

Пластичность человека является его ключевым и имеющим наибольшее влияние качеством; человек не является сформированным, он формируется. Нет никакого готового образца, модели человечности, которую следует копировать и наследовать. Можно сказать, что человечность находится «в движении», является «открытым», творческим (а также моральным) переживанием, произведением искусства, которое создается людьми из поколения в поколение. Согласно версии Мирандолы, который пытается соединить античный антропоцентризм со средневековым теоцентризмом, человек, во-первых, является наиболее важным в мире, находится в его центре, но благодаря Богу; во-вторых, может себя формировать, но благодаря Богу (который поделился с ним этой наиболее элитарной способностью). Открытая и пластичная человечность является общим экспериментом человека и Бога. Таким образом, повторим, две основные средневековые христианские антропологии были подвержены сомнению.

Вскоре был разбит христианский антропологический термостат, о котором упоминалось выше, исключая крайние пессимизм и оптимизм в анализе человеческой природы. Видение человека как крайне злого и опасного существа уже появляется в трудах младшего соотечественника Мирандолы — Николо Макиавелли, получает выразительную и доработанную форму в философии Томаса Гоббса. Следует подчеркнуть, что в обоих этих случаях мы имеем дело с верой в неизменную (а не пластичную, как полагал Мирандола) природу человека. Человек является неизлечимо, т.е., «по своей природе» злым, эгоистичным, хищным (2). Характерно то, что в обоих случаях образ «человеческой бестии» (волка) соприкасается с необходимостью введения контроля со стороны сильного и сурового священника-суверена. Во имя сохранения мира и порядка следует отнять свободу у этих строптивых существ. Это вполне логично и последовательно: чем хуже человек, чем большей свободой он обладает, тем хуже последствия этого. Поэтому для ликвидации (минимизации) этого эффекта мы вынуждены отобрать (минимизировать) свободу, ибо нельзя изменить испорченную природу человека (она явля-

ется постоянной). Короче говоря, человечество — это стадо агрессивных и строптивых учеников, требующее сильной, суровой и твердой учительской руки.

Со времени издания «Левиафана» минуло сто лет, и современная мысль переходит от крайне пессимистичного взгляда к крайне оптимистичному. Между ними располагался умеренный оптимизм, который развивался с XVII в. и переживал расцвет в эпоху Просвещения; несмотря на то, что человек по своей природе эгоистичен, этот эгоизм может быть умеренным, сбалансированным, скорректированным естественным разумом и даже, *summa summarum*, уменьшен с помощью преобладания разумной составляющей. Каким же образом? Благодаря преодолению предрассудков, распространению образования и научных знаний. Укрепляя этот второй аспект своей природы, человек перейдет «от детства к зрелости», станет более просвещенным, владеющим своими эмоциями, осознающим моральный «естественный закон» и последствия своих поступков. Утилитаризм является как бы этической надстройкой этой антропологии, в нем видится безболезненный переход от индивидуального эгоизма к заботе об обеспечении максимального количества счастья для максимального числа людей.

Однако появившийся во второй половине XVIII в. крайний антропологический оптимизм был построен на основе не разума, а только чувства. Работа над этим новым «светлым» автопортретом человека и его популяризацией — дело рук Жан-Жака Руссо (3). Человек по своей природе добр, склонен к отзывчивости. Но человеческий интеллект, сообразительность (т.е. разум) привели к утрате доброй природы; человек как бы сам себе подставил ногу и упал. Этой ловушкой и отравой оказалось изобретение частной собственности. Оно привело к деградации человеческой эмоциональности, загрязнило человеческие сердца, внесло в мир людей эгоизм, насилие, неравенство, отсутствие подлинности (искусственность). Потерю подлинности не сглаживает расцвет науки и искусства (который Руссо понимает как фальшивую компенсацию, опережая в этом З. Фрейда). Этот изъян нельзя ликвидировать, но человек может вернуться к своей доброй натуре, если мы изменим воспитание и окружение. Поскольку человек добр по природе, следует оставить ему свободу (пусть встряхнется и придет в себя); поэтому верным является общественно-демократическое устройство, непосредственная демократия (исключая партикулярные действия политических партий), которая должна реализовывать, внедрять в жизнь реальную и органичную сплоченность общества (общая воля). В философии Руссо также появляется идея о том, что, ограничивая, а затем ликвидируя частную собственность, мы можем прийти к утраченному в историческом процессе первичному братству, первичной невинности, доброте, нежности и радости. По существу, будучи продуктом французского Просвещения, эта идея оживляет многочисленные коммунистические утопии, которые появляются в конце XVIII — начале XIX вв., а также радикальные политические движения времен Французской революции.

Таким образом, в XIX в. на «поле битвы антропологий» сформировались три основные нехристианские доктрины. Коротко и максимально упрощенно опишем их. Первая — это как бы сумма Мирандолы (вера в пластичность человека) и Руссо

(вера в природную доброту человека). Этой суммой является философия К. Маркса и кружащая над миром идея коммунизма, т.е. великий план сотворения Нового Человека, который под действием оборотов исторической и диалектической спирали возвратился бы в свое состояние, предшествующее отчуждающему изобретению частной собственности. Вторая — это сумма Мирандолы (веры в пластичность человека) и Ч. Дарвина (эволюционизм). Этой суммой является философия Ф. Ницше с его взглядом на человека как промежуточного этапа между «человекообразной обезьяной» и «сверхчеловеком». Так как «целью» достижения для обезьяны является человек, так же точно «целью» для человека является сверхчеловек. В сфере ницшеанства появляется очередная идея сотворения Нового Человека, на этот раз, в отличие от марксизма опирающаяся не столько на логику исторических, сколько на логику биолого-космических изменений. Новый Человек («сверхчеловек») будет значительно более насыщен некой космической «пневмой», т.е. «волей к силе», чем «старый человек». Он будет противоположностью слабого человека — нежного, милосердного, уравновешенного (упорядоченного), любящего единение, подставляющего щеку (и вызывающего сочувствие), т.е. примерного христианина. Сверхчеловека характеризует космический динамизм (дионизм) и гордость, надменность и индивидуализм. Человек хотел бы быть венцом эволюции, он пытается сохранить свою форму; сверхчеловек будет ускорением, интенсификацией эволюции; саморазвитие, пластичность, постоянное «выковывание своей судьбы», бытие господином (т.е. ренессансное видение Мирандолы) доходят в этом проекте Нового человека до апогея. Третья доктрина — это сформированная в английском (шотландском) Просвещении «либеральная антропология». Она говорит одновременно о неизменной и эгоистической человеческой натуре. Эгоизм в ней можно сгладить путем разумного общественного устройства (4).

В XIX в. две первые доктрины не только приобрели свою окончательную форму, но и укоренились в культуре, сначала проникли в сознание элит, а затем и масс. Третья же все шире внедрялась в социальную, политическую и экономическую практику. Этот процесс был прерван Первой мировой войной. В свою очередь, XX в. можно определить как их бурную идеологическую, политическую, экономическую и военную конфронтацию. В XX в. первые две преобразовались из «элитарных размышлений» в мощные общественные движения, которые получили власть в различных странах, а потом соединились вместе.

Распространенная в XIX в. в качестве коммунистического движения марксистская антропология захватила власть в России на пепелищах Первой мировой войны. Немного позже ницшеанская антропология в примитивной форме нацизма (т.е. в одновременно авторитарной, массовой, расистской и националистической форме) получила власть в охваченной сильным кризисом Германии. После первоначального сотрудничества, когда казалось, что два великих плана перестройки человечества будут вместе побеждать «старого человека» и традиционный мир (отчасти христианский, а отчасти либеральный), они столкнулись с собой в жестокой битве. Традиционный мир, который был атакован нацистами, поддержал в этом бою коммунистическую сторону. Образно говоря, в 1945 г. нацистский сверхчело-

век был повержен коммунистическим Новым Человеком. Так закончился первый раунд антропологической войны XX в. Во втором раунде, названном «холодной войной» (несмотря на то, что имели место локальные «горячие войны»), в бой, охвативший всю планету, ринулся «старый человек» (различного вида) и коммунистический Новый Человек (5). В глобальном масштабе этот конфликт получил название конфликта Восток-Запад. Продолжался он приблизительно половину века и завершился неожиданной, удивительной победой Запада и «старого человека». Используя одну рискованную, хотя, как мне кажется, обоснованную метафору, можно сказать, что тысячелетний (в планах) третий коммунистический Рим неожиданно провалился под собственной тяжестью, в возрасте семидесяти лет (6).

Победа Запада. Угрозы

Итак, победил Запад. Общинность, просоциальность «духа Французской Революции, которая так мощно влияла на сознание западных обществ в течение последних двухсот лет, вдруг исчезла. Когда-то дующая с силой необузданного ветра, сегодня она бесследно пропала» [1]. Уже в 1950-х гг. Чеслав Милош утверждал, что конфликт Восток-Запад — это конфликт двух концепций человека. «Две крайности: тотальное постепенное историческое развитие и растворенная в нем человеческая натура (которая дает пищу для марксистской мечты „переделать человека“) против постоянства „естественных законов“ (этот элемент является сильным в Америке и унаследован от эпохи Просвещения)» [4. S. 83—84]. В 1970-е гг. Милош утверждал, что Запад, по существу, не выиграл, Восток же владеет только видимой мощью. В 1990-е гг. после очевидного провала Востока, он объявил победу «старого человека», который с помощью СМИ навязывает свою модель всей планете. Однако это не является ни естественной, ни наиболее удачной моделью. Как говорит Колаковский, фальшивым и опасным является убеждение в том, что если естественным, эгоистическим мотивам обеспечить лучшее пространство в рамках установленного законом порядка, то они гарантируют стабильность и богатство в обществе. Он также считает, что современная «либеральная культура» не в меньшей степени, чем коммунизм, разрушает фундаментальные основы, на которые опирается наша цивилизация (он называет веру в незыблемые отличия между добром и злом, правдой и фальшью, веру в смысл человеческой истории и мировой порядок). «Либеральная цивилизация сама себя травит, создавая для удобства эпистемологию и производя для этого соответствующие философские моды и целое множество разнообразных понятий» [3. S. 385].

Попробуем присмотреться к этим процессам. Ограничимся рассмотрением наиболее очевидных явлений (и одновременно угроз). Так, бросается в глаза большая волна потребительства, которая заливает западный мир (Колаковский назвал это «фазой необузданного обжорства»). Она связана с определенным массовым мировоззрением и системой ценностей, которые можно обозначить как консьюмеризм. Консьюмеризм также имеет свою простую антропологию, построенную на вере в естественный человеческий эгоизм и убедительно излагаемом мнении о том, что в жизни наиболее важными являются деньги и потребление.

Однако стоит заметить, что такой рецепт для жизни не учитывает реальной глубины человеческой природы, не может привести в состояние «исполнения» и дать «смысл существованию». Вера в эффективность потребления как основную жизненную стратегию напоминает питье соленой воды. Люди потребляют, чтобы заполнить пустоту в жизни (покупают вещи и радуются им), но это только увеличивает пустоту. Интересно, что эта модель оказывает особенно сильное влияние в некогда трудолюбивых и экономных протестантских странах; вероятно, это связано с исчезновением протестантского этоса и распространением удивительной экономической доктрины (популярная версия кейнсианства?), которая утверждает, что чем больше потребляется, одалживается и тратится, тем больше это благоприятствует развитию экономики или же росту благосостояния народа. Это приводит к очередной угрозе — большой задолженности Запада перед все еще трудолюбивыми и экономными азиатскими народами (наиболее показательной является задолженность США перед Китаем). Существование таких явлений грозит большой экономической катастрофой глобального масштаба. Это «показательное» (бросающееся в глаза) потребительство Запада подпитывает также очередной глобальный конфликт — богатого Севера с бедным Югом (исламский терроризм в определенной мере тоже с этим связан). Во времена молниеносного обращения информации и картинок бедные люди, проживающие на Юге, каждодневно смотрят на это большое западное пиршество (организованное отчасти в кредит). Это приводит также к истощению, «проеданию» полезных ресурсов планеты. Не исключено, что недавний банковский кризис был только одним из первых симптомов (как будто легкое подрагивание перед взрывом вулкана) надвигающихся катаклизмов.

Следует подчеркнуть, что центральной составляющей этой грозной и дифференцированной культурной и цивилизационной волны является либеральная антропология, предполагающая, что «люди руководствуются исключительно эгоистическими мотивами». Потому эта антропология привела к формированию эгоистичного человека, который является одновременно соучастником и жертвой этой уничтожающей, духовно отравляющей потребительской лавины. Можно кратко описать это так: прекрасная цивилизация (очевидный технический прогресс) формирует все более безобразного человека; таким образом, мы имеем нарастающий диссонанс между цивилизацией и культурой (в немецком понимании смысла этих слов).

Собственно массмедиа в качестве «форсажа», т.е. того, что одновременно усиливает и укрепляет данную совокупность свойств, ускоряют этот тип формирования человека, создают варвара. Однако не следует очернять журналистов, это «калькуляторы», находящиеся под властью механизма, в котором существуют. Механизм же приводит к ускорению превращения человека в варвара, что является, коротко говоря, смесью умственной отсталости, духовного примитивизма, агрессивности или же депрессивности, самолюбия и одиночества. Так, на наших глазах рождается Новый Человек, абсолютно иной, чем тот, о котором мечтал Маркс. Огромный план сотворения Нового Человека, которым был коммунизм, осуществляется с полностью другой, неожиданной перспективой (отчасти он сам

себя формирует с помощью анонимного рыночно-медиального механизма; оказываются не нужны сознательные скульпторы — профессиональные революционеры). Надежда на то, что рост благосостояния и образованности обострит вкус общества и приведет к тому, что СМИ вдруг посмотрятся в зеркало мудрейшего общества и сами станут мудрее, является разве что наивной схемой эпохи Просвещения. Кажется, что «старые катастрофисты» Густав Ле Бон, Ортега-и-Гассет, Флориан Знанецкий или Виткаций были правы — факел образования тут может быть очередным «форсажем»; после этого токсического пэтчверка более образованные будут просто быстрее двигаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Между тем из-за того, что человек является «пластичным существом», ему удалось заселить всю Землю — от экваториальных тропиков до полярных ледников.
- (2) Обоснованием в этом случае все же не является Упадок, первородный грех.
- (3) Нет ничего странного в том, что этот анти-Гоббс относился с симпатией к Польше, которая перед ее разделом была монархией антиабсолютистской. Речь Посполитая была противоположностью, отрицанием модной в то время («политически корректной») модели устройства: «просвещенный абсолютизм» столкнулся с так называемым «темным демократизмом» („темный сад” приверженцев *liberum veto*).
- (4) Ответвлениями этой мысли о человеке является утилитаристская этика, видение либеральной демократии как правления меньшинства с учетом их прав, доктрина разделения власти органами, которые взаимно себя контролируют («баланс эгоизмов») и наконец, либеральная экономика (политическая экономия Адама Смита) с видением конкурирующих на свободном рынке субъектов, которые, таким образом, производят «богатство народов». Заметим сразу, что та антропология и ее ответвления стали фундаментом постройки нового общества в Северной Америке; там она нашла хорошую почву и там вырастила наибольшие плоды.
- (5) Здесь я не буду спорить о том, является ли советский (а также китайский, корейский, кубинский, камбоджийский) коммунизм настоящим, или же был реализованным коммунизмом. Верным кажется убеждение, что по крайней мере до времен Брежнева коммунистическая идеология, та всеохватывающая новая религия, не была лишь чем-то видимым, а реальной движущей силой человеческих действий. Следовательно, в самом центре этой идеологии, как это видел Милош, находился «гигантский план сотворения нового человека», и поэтому в нем находилась антропология.
- (6) Это столкновение антропологий в XX в. можно интерпретировать, конечно, в большом преувеличении (а значит, упрощении) как столкновение антропологии французского просвещения (сочетание веры в добрую, общественную натуру человека с верой в его пластичность, которую увенчивает идея эгалитаризма и братства; венцом этого увенчивания является коммунизм) с антропологией британского просвещения (индивидуалистической, основанной на вере в неизменную, эгоистичную натуру человека, доктринальным продуктом которой является широко понимаемый мультидисциплинарный либерализм) и связанной с органичными племенными связями немецкой романтической антропологией (ярким венцом которой является ницшеанство). Старая же христианская антропология (которая была разделена между северным и южным миром) расположилась в этом жестоком веке немного сбоку, как будто бедный христианин, смотрящий на гетто и пытающийся выжить.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Gawin D.* Rewolucja czy konstytucjonalizm // *Res Publica Nowa* — 1999. — № 1—2.
- [2] *Kolakowski L.* Bóg nam nic nie jest dłużny. Krótka uwaga o religii Pascala i o duchu janse-
nizmu. — Kraków, 1994.
- [3] *Kolakowski L.* Moje słuszne poglądy na wszystko. — Kraków, 1999.
- [4] *Merton T., Miłosz Cz.* Listy. — Kraków, 2003.

THE PRESENT AS THE BATTLEFIELD OF ANTHROPOLOGY

J. Breczko

Chair of Philosophy and Psychology
Białystok Medical University
ul. Jana Kilińskiego 1, 15-089, Białystok

Man is a supple creature. One's idea of self affects the person's behavior. In these terms, the anthropological ideas prevailing in culture and stemming from religion, philosophy or ideology, have a considerable impact on its form and development. This article analyzes modern history from the point of view of the birth, evolution and collision of different anthropological conceptions and ideas. This being but a brief essay, the author considers only the major "evolution lines" of these conceptual patterns, emphasizing the theoretical and practical significance of Kant's question: "What is a human being?"

Key words: the history of thought, anthropology, the science of man, Marxism, Nitzscheism, liberalism.